

Автор делает обзор международной практики существования в современных городах архитектурных памятников и фрагментов исторической среды, приводит примеры удачных решений. Характеризуются причины неудачных решений взаимодействия исторической и новой архитектуры. Подчеркивается значение художественной формы в архитектуре как принципа органического объединения старой и современной архитектуры.

Ключевые слова: градостроительство; историческая среда города; строительство; проектирование; охранные зоны; исторический город; художественная форма./

The author reviews international examples of the existence of architectural monuments and fragments of the historic environment in modern cities and highlights successful solutions. The article outlines the reasons for the failure of interaction between historic and new architecture. The author emphasizes the importance of the artistic form in architecture as a principle of organic unification of the old and modern architecture.

Keywords: urban planning; historical environment of the city; construction; design; protection zones; historical city; artistic form.

Градостроительные размышления / Urban Reflections

текст
Владилен Красильников
РААСН; МААМ /
text
Vladilen Krasilnikov
RAACS; MAAM

Я часто езжу по Садовому кольцу от Павелецкой площади в сторону Курского вокзала и наблюдаю сложившуюся застройку, особенно левой стороны. Все дома разные, разных эпох и стилей, разные по размеру, и главное – каждый за себя, не обращает внимания на соседа. И так почти во всех местах моего любимого города. И не только в моем городе и в моей стране. Пройдите по центру святого Рима. То же самое. Прекрасные руины древнего города рядом с дворцом-уродом короля Виктора Эммануила. Я посмотрел на центр Лос-Анджелеса: свалка небоскребов с пустырями, аэропортом и деревней. Но есть и Флоренция, и Венеция, где города просто слеплены рукой одного мастера. Да и наш Санкт-Петербург своей архитектурой рождает горожан особой породы. Таких примеров, хороших и плохих, можно приводить бесконечно много, самых разных по масштабу и по времени. Все это знают, а специалисты не могут объяснить, почему так получается.

Плохие и как бы «хорошие» примеры живут рядом и продолжают плодиться. Теперь, когда отстранился от практической проектной деятельности, я пытаюсь понять, почему так происходит. Понять это явление не просто; в нем все сплетено воедино: экономика, политика, социология, искусство и еще много других вещей.

Для меня, многие годы занимавшемся проектированием и строительством в основном общественных, чаще всего – зрелищных зданий, всегда стояла задача сочинить что-то оригинальное, свое, личное, что отличало твой проект от подобных. Иногда это даже удавалось.

Сложилось очевидное противоречие между устрашающим развалом городской среды во многих и многих городах и устремлениями архитекторов создавать свои сооружения, способствующие созданию таких критических контрастов в застройке городов.

К сожалению, отстают сохранность городов, особенно с большим историческим наследием, несмотря на обилие градостроительных ограничений, создание зон особого регулирования в таких городах, зон особой охраны, не удается и вряд ли удастся, несмотря на определенные успехи, особенно по охране и реставрации отдельных памятников архитектуры. Видимо, требуется принципиальное изменение взгляда на эту проблему. Надо

полагать, что она не единообразна и решаться может не одновременно.

Хочу начать с ясного для меня, возможно, самого простого. Надо приучить и научить своих коллег проектировать свои здания в согласии и дружбе с соседями и средой. Например, видел я новое здание из светлого мрамора на Гранд-канале в Венеции; И. В. Жолтовский построил мастерскую в среду знаменитого жилого дома на Манежной площади с очень крупным ордером, увязкой с соседней гостиницей и классическим фасадом университета, тактично расположив фасад своей мастерской в глубине улицы. Из современных примеров можно привести умелое встраивание нашими питерскими друзьями своих творений в историческую среду Санкт-Петербурга.

Но для этого надо преодолеть собственные творческие амбиции, так часто проявляющиеся и даже заявляющиеся российскими и, тем более, иностранными зодчими в сегодняшней Москве.

При этом мне представляется, что чувство художественного такта может привести к поиску особого решения, своеобразных находок, конечно, без подражания стилистических приемов соседей. Но для этого, конечно, нужно некоторое мастерство, чувство времени и среды.

Но трудно представить, что это выполнимо при существующих градостроительных ограничениях с зонами исторической застройки, четко обозначенных охранных территорий, за границами которых может вестись довольно свободное строительство. Такое свободное строительство влечет за собой создание вокруг охраняемых зон «заборов» многочисленной застройки, как правило, машинного производства, которая не предполагает даже минимальной переклички со строениями охранных зон. Может быть, я обостряю, но я москвич и сужу о том, что вижу сегодня.

Охранные зоны действуют, как правило, несколько десятилетий. За это время новое строительство (в основном, жилых зданий), инфраструктура сооружений на несколько километров окружают охраняемую зону, что не позволяет расширить их с приличным градостроительным и пластическим единством. Как преодолеть такие препятствия в естественном развитии города, и не только исторического? Ведь понятие «исторический город» тоже весьма условно: сегодня он новый, а через 100–150 лет уже станет историческим. Может, в будущем на охрану поставят пятиэтажный панельный жилой дом подобно тому, как мы чтим сегодня Поганкины палаты в Пскове – памятник жилого строения Древней Руси. Об этом тоже надо иногда думать. Я считаю, что знаменитый «девятый квартал» Новых Черемушек надо обязательно сохранить, включая и кварталы тех времен. Скоро им будет сто лет, и уже мало осталось людей, которые знают, что такие квартиры мы считали пределом мечтаний. С другой стороны, я не могу себе представить, как будут поступать с 20–30-этажными цветными монстрами через тридцать-сорок лет, когда они превратятся в опасные для жизни трущобы. Взрывать? Как смогут развиваться города, окруженные огромными сооружениями долговечной конструкции? Правда, весь смысл сегодняшнего бизнеса состоит в таком строительстве, чтобы оставлять себе работу в будущем и тем самым не возводить особо прочных капитальных зданий. В этом есть определенная логика жилищного строительства: учитывать естественное развитие во времени организации быта людей. Конечно, это входит в противоречие с историческим пониманием роли зодчества в развитии культуры общества и смысла деятельности архитектора. Но сейчас лучше об этом не думать.

И все же, каким образом можно организовать застройку городов, где существующая часть города органично переходила бы во вновь создаваемые районы? Чтобы

ответить на этот вопрос, надо, на мой взгляд, допустить значительную перестройку не только нашего архитектурно-строительного мышления, но и изменение некоторых социальных воззрений и в нашей стране, и вокруг нас с миром, нас окружающим.

Видимо, наступит время отучать людей жить в высоко расположенных квартирах, скажем, выше 10–15 этажей. При этом градостроительной науке необходимо убедить строителей, что при такой этажности можно достигнуть необходимой экономически выгодной плотности застройки с сохранением экологических нормативов. Не исключено, что потребуются изменение методов строительного производства, включая массовое заводское производство строительных бетонных изделий.

При этом могут быть внесены некоторые дополнения и корректировки в организацию проектного дела. И, конечно, надо будет пересмотреть и наши художественные воззрения и подходы, что для меня представляется особо важным.

Естественно, сказанное выше прежде всего связано с массовым жилищным строительством, объемы которого в ближайшее время вряд ли будут уменьшаться. Поэтому очень важно остановить все усиливающуюся агрессивность стройкомплекса, выполняющего эту непростую задачу. Между тем продолжается и будет продолжаться строительство и проектирование отдельных штучных общественных зданий, часто довольно крупных, как например, больших культурных центров в некоторых областях страны, которые, на мой взгляд, могут и должны стать образцами в творческих архитектурных поисках не только в функциональном, но и в образно-художественном отношении. И здесь я подхожу к теме, ради которой затеял эти записи.

Для нас, проектирующих архитекторов, всегда был и, надеюсь, будет конечной целью художественный образ здания или целого комплекса зданий, над проектами которых мы работаем, в которые вкладываем весь наш опыт и опыт предшественников, и, конечно, свою душу и творческие амбиции.

Я считаю, что для большинства творцов очень важно найти какую-то зацепку, которая станет ключом в поиске и нахождении индивидуального художественного кода. Таким ключом в исторически сложившихся городах может стать образ, дух и ритм художественно сложившейся среды, что в сочетании с сегодняшним взглядом и душевным настроением может подсказать и даже найти пластический и объемно-пространственный ход в творческой работе. Разумеется, намного проще сказать, чем найти в действительности, но в этом смысл и прелесть творческого труда. Создать свое, новое, которое не хуже старого, окружающего тебя. Один из плодотворных путей создания ярких проектов – глубокое проникновение в мысли предшественника: создавать, не копируя, а вникая в композиционную мысль.

Но проникнуть в суть композиционного мышления создателей окружающей среды трудно без серьезного и даже научного понимания закономерностей построения художественной формы. К сожалению, это та область, которая, в моем представлении, в последние десятилетия в отечественной архитектурной науке почти не развивается. Тектоника, вес и воздух, каркас и стена, силуэт и пластика, контраст и спокойствие, развитие пространства и его последовательное восприятие – вот некоторые проблемы для обсуждения и, возможно, для изучения не только на историческом материале. Многочисленные попытки научного познания художественного творчества в 1920–1930 годы не только в нашей стране к концу века заглохли, и сегодня мне о них мало что известно. Бытует мнение, что занятия этими проблемами не только малоинтересно, но и бессмысленно,

приводит к частой замене архитектурного мышления на чисто внешнее дизайнерское понимание процесса создания архитектурного произведения. Такова причина потери интереса к познанию формирования пространства, которое является сутью любого процесса архитектурного проектирования. Отсюда и обилие подражательных решений, копирование далеко не лучших образцов, равнодушные к привлечению зарубежных специалистов, развал организации проектного дела и потере интереса общества к процессу архитектурного творчества, к поиску красоты или, вернее, просто к красоте. Конечно, такие важные профессиональные рассуждения важны для большинства действующих зодчих, кроме весьма талантливых и даже гениальных отдельных представителей, которые всегда находили свое решение, непредсказуемое для нас, простых смертных.

Но все же за пределами этих мыслей остаются важнейшие градостроительные проблемы, которые хорошо решать в обстановке общегосударственной собственности. Но мы еще не освоили методы их решения в рамках рыночных отношений.

В связи с этим преобладающее значение имеет градостроительное законодательство, которое отражало бы не только интерес строителей и инвесторов, но, в первую очередь, интересы населения и их защитников: градостроительной администрации и органов охраны окружающей среды.

Естественно, должна быть ограничена излишняя высотность жилых строений, оптимизирована плотность застройки, должны быть четко зафиксированы требования к сохранению существующей застройки, включая построенные в последние десятилетия.

Подводя итоги этих размышлений, можно сделать некоторые выводы по обеспечению органичного проживания нового и старого в растущих наших городах.

1. Необходимо соблюдать допустимые контрасты по высотному строительству и массе соседствующих строений (например, в 5–6 раз).

2. Пластика фасада может быть предельно контрастной, но с некоторым сочетанием новых и прежних пластических приемов.

3. При застройке территорий со сносимыми строениями желательно оставлять значительную часть прежних строений (25–30%) с целью органической связи и даже переплетения новых и старых сооружений.

Эти возможные общие выводы исходят из естественного предположения, что потребности в новых, особенно жилых зданиях, будут расти. Хотя ясно, что новое строение сможет возникать только на месте прежних, что уже довольно часто происходит в некоторых европейских городах и даже странах. В нашей стране, к сожалению, пережившей в двадцатом веке многочисленные катаклизмы, вряд ли такое может скоро случиться.

Эти довольно краткие чисто градостроительные мысли упускают очень существенный художественный смысл нашей профессии; я сейчас не очень готов что-либо существенное сказать. Может ли современное градостроительство носить национальные русские черты, быть своеобразным, какими были наши города еще в XIX веке? Можно ли считать сегодня наиболее многоцветье высотных жилых строений поиском этих национальных черт, которое мы видим в Покровском соборе, многочисленных ярославских соборах или расписных избах в русских деревнях?

Я думаю, что главным признаком любого своеобразия в архитектуре прежде всего является пластика, силуэт и общий композиционный замысел. Но это уже другая и очень сложная тема градостроительной области; наверное, она заслуживает особого внимания и обсуждения особенно сейчас, когда есть угроза исчезновения понятия градостроительства как науки и даже как практики.